

Красавченко Т.Н.

**ПУТЬ В ИСТОРИЮ: КАК ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ
ВОШЕЛ В КАНОН МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[©]**

*Институт научной информации по общественным наукам, РАН,
Москва, Россия, tatianakras@mail.ru*

Аннотация. Анализ раннего творчества Оруэлла – двух документальных книг и четырех романов – свидетельствует о том, что в 1930-х он был «одним из многих» писателей. Участие в гражданской войне в Испании в 1936–1937 гг. вывело его с периферии истории XX века на ее «магистраль» – к центральным событиям эпохи: революции и тоталитаризму. «Сплав» мировоззрения, традиции (Джонатан Свифт) и творческой индивидуальности позволил ему создать великие произведения: аллегорическую повесть «Скотный двор» (1945) и роман-дистопию «1984» (1949). Они вписали его в канон мировой литературы. Оруэллу присущ уникальный дар историко-политического предвидения. В эпоху «цифровой цивилизации», когда возможности государства контролировать жизнь людей возрастают, актуальность его позднего творчества усиливается.

Ключевые слова: английская литература 1930-х; гражданская война в Испании; советский миф; тоталитаризм; демократический социализм

Поступила: 23.04.2021

Принята к печати: 31.05.2021

Krasavchenko T.N.

**A path into History: how George Orwell entered
the canon of world literature[©]**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, tatianakras@mail.ru*

Abstract. Analysis of Orwell's early works – two documentary books and four novels – suggests that in the 1930s he was “one of many” writers. But his participation in the Spanish Civil war in 1936–1937 took him out of periphery of the twentieth-century history onto its “main line” – to the central events of the epoch: Russian revolution and totalitarianism. The “alloy” of worldview, individual talent and literary tradition (Jonathan Swift) allowed him to create his great works – an allegorical tale “Animal farm” (1945) and a dystopian novel “Nineteen Eighty-Four” (1949), which introduced him into the main canon of world literature. Orwell possessed a unique gift of historical and political foresight. At present, in the era of ‘digital civilization’, when the states’ ability to control the life of citizens has increased, the topicality of his late works amplifies more and more.

Keywords: English literature of 1930s; Spanish Civil War; Soviet myth; totalitarianism; dystopia; democratic socialism.

Received: 23.04.2021

Accepted: 31.05.2021

Казалось, ничто не предвещало появления в традиционной британской семье Блэров, принадлежавшей к высшему, хотя и обедневшему слою английского среднего класса (в роду были и аристократы), социалиста-еретика, писателя Джорджа Оруэлла (1903–1950), чье настоящее имя – Эрик Блэр. Его отец сорок лет служил британской империи в Индии, Эрик родился в городке Мотихари на границе с Непалом. Позднее, получив бесплатное место, он учился в «колыбели британской элиты» – Итонском колледже. В университет из-за финансовых проблем в семье он поступать не стал и пять лет с 1922 г. служил суперинтендантом Имперской полиции в Бирме (тогда провинции британской Индии). Вернувшись в 1927 г. в Англию, он службу не продолжил. С детства у него довольно неожиданно, учитывая далекую от литературы среду, в которой он жил, возникла мечта стать писателем. Его поразило творчество Герберта Уэллса: у подростка, жившего «среди

педантов, святош, игроков в гольф», он «вызывал экстаз» рассказами о жизни на других планетах и прогнозами об ином, чем «полагали уважаемые господа», будущем; до 1914 г. Уэллс был для Эрика «истинным пророком», но позднее оказался «слишком благоразумным, чтобы постичь современный мир» [Оруэлл, 2016, с. 197–199].

Блэр чувствовал, что ограниченный жизненный опыт мешает ему стать писателем. Иерархичная, регламентированная жизнь в семье, в Итоне, в Бирме вызывала у него неприятие. А когда он прочел книгу «Люди бездны» (1903) Джека Лондона – о бедняках в лондонском Ист-Энде, понятие «жизни» идентифицировалось для него с униженными и оскорбленными. Осенью 1927-го и весной 1928 г. он бродяжничал в беднейших районах Лондона. А с мая 1928-го продолжил познание городского «дна» в Париже. Жил в дешевых отелях, перебивался случайными заработками, работал посудомойщиком в ресторанах. Занявшись журналистикой, он попал в среду «левых»: свою первую статью «Цензура в Англии» (о моральных запретах) он опубликовал 6 октября 1928 г. в *Le Monde*, еженедельнике Анри Барбюса.

А в 1933 г. в Лондоне в «левом» издательстве Виктора Голланца – впервые под псевдонимом «Джордж Оруэлл» – вышла документальная повесть Блэра «Фунты лиха в Париже и Лондоне». В ней он поведал обо всем, что видел и познал на протяжении трех лет жизни «на дне» двух европейских столиц. Эпиграф к повести он заимствовал у Чосера: «О злейший яд, докучливая бедность!». Как и в Бирме, он прочувствовал существование в обществе «верха и низа» и теперь уже на своем опыте понял: нищета, социальная несправедливость – враги жизни и действуют на человека плохо. Так, на основе личного опыта возникли его социалистические взгляды. Книга Оруэлла перекликается с «Людьми бездны» Дж. Лондона, с пьесой М. Горького «На дне» (1902), с «Ночными дорогами» (1939–1940) Г. Газданова, но даже поклонники писателя признают, что она «простовата» и «описательна» [Недошивин, с. 183].

Автобиографичны и три последующих романа Оруэлла – «Дни в Бирме» (1934), «Дочь священника» (1935), «Да здравствует фикус!» (1936). В романе о Бирме герой – лесоторговый агент Джон Флори – одинок, замкнут, восхищается культурой бирманцев, но подсознательно его тянет к «своему», британскому миру,

однако безответная любовь к англичанке Элизабет, которую он шокирует своими «социалистическими идейками» и «аморальностью» (любовница-бирманка!), приводит его к самоубийству – обычному явлению в колониях. Критики оценили в романе знание реалий, но сочли его избыточно социальным и недостаточно художественным. В «Дочери священника» Оруэлл использовал свой опыт преподавания в провинциальных школах в 1932–1933 гг. и бродяжничества. Героиня «списана» с дочери священника Бренды Солкелд, в которую Блэр был влюблен. Она жила по соседству с его родителями – в Саутволде, городке на берегу Северного моря, работала в школе-интернате для девочек, была глубоко верующей. Оруэлла явно интересовало, что значит для человека религия, и он подверг героиню романа испытаниям: потеряв память после несчастного случая и очнувшись на улице в Лондоне, она, чтобы выжить, прибилась к шайке бродяг – вера ее не выдержала испытаний жизнью. Роман перенасыщен деталями, затянут, образы статичны. Оруэлл в завещании распорядился больше не печатать его [Orwell, 1998, p. 228].

С октября 1934 г по январь 1936 г. Оруэлл работал в Хэмпстеде в букинистическом магазине. Вот и герой его романа «Да здравствует фикус!» – поэт Гордон Комсток – выходец, как и автор, из родовитой, но обедневшей семьи, поработав в рекламном агентстве, понял, что реклама – обман, деньги – зло, и стал продавцом в книжном магазине, жил аскетично и писал сатирическую поэму; «вечные фикусы» в окнах для него – символ «жалкого благополучия большинства». Но завершается роман «победой фикуса»: девушка Комстока беременна, и он вынужден вернуться в рекламное агентство. Позднее Оруэлл не ценил и этот роман и был прав: повествование и в нем излишне подробно, вымученно, кажется, будто автору «не о чем» писать, а «чеховского» дара «писать ни о чем» у него нет.

В 1936 г. издатель Виктор Голланц от имени «Клуба левой книги», влиятельной социалистической организации (1936–1948), поручил Оруэллу изучить безработицу на севере Англии, и в 1937 г. вышла книга «Дорога на Уиган-Пирс». В первой ее части Оруэлл описал тяжелый труд рабочих в шахтах, жилища-клоповники, плохую одежду, плохое питание. Позднее, в августе 1959 г., сын знаменитого историка, писатель и журналист Филип Тойнби назвал в лондонском журнале «Encounter» книгу Оруэлла

«докладом гуманного антрополога, изучившего жизнь угнетенных племен на Борнео» [цит. по: George Orwell, 1997, p. 116] и был не совсем прав: книга написана с эмпатией, но, объясняя во второй ее части, что такое социализм, писатель сделал шокировавший «левых» вывод: рабочие не понимают «глубоких смыслов социализма», их интересуют проблемы «хлеба», поэтому лидерами их протеста становятся выходцы из среднего класса – интеллектуалы, в глубине души презирающие тех, чьи интересы они отстаивают [Orwell, 1983, p. 117, 154–155, 193].

Ныне ранние книги писателя интересны тем, что в них находят переклички с романом «1984»: тип героя-неудачника, его бунт, поражение... Литературными образцами для раннего Оруэлла служили романы Джорджа Гиссинга (1857–1903), натуралистически изображавшего жизнь городской бедноты, бродяг; романы Уэллса о нижнем слое среднего класса. Оруэллу явно не хватало «литературной школы», литературного образования, которое британские писатели обычно получают в университетах, недоставало эстетического начала, воображения, он был «регистратором событий», писал «о себе» и только об Англии. Известный английский литературный критик Квини Дороти Ливис заметила («Scrutiny», сентябрь 1940 г.): «У мистера Оруэлла должно быть много энергии ушло на то, чтобы стать писателем. Я прочитала три или четыре его романа, и единственное впечатление от этих унылых книг – у природы не было замысла сделать его писателем» [цит. по: George Orwell: the critical heritage, 1997, p. 188].

И тем не менее Оруэлл стал великим писателем. Решающую роль в этом сыграл его выход на магистраль Истории: в 1936 г. он отправился в Испанию защищать демократию и «элементарную порядочность» (common decency) [Orwell, 1989, p. 188]. В эссе «Почему я пишу» (1946) он признался, что до 1936 г. у него не было «четкой политической ориентации», события в Испании все перевернули: «Я понял, на чем стою. Каждая серьезная строка, написанная мною с 1936 г., была прямо или косвенно направлена против тоталитаризма и за демократический социализм, как я его понимаю» [Orwell, 1984, vol. 1, p. 26, 28].

Что же произошло с Оруэллом в Испании? Как известно, военный путч Франко в Мадриде 17–18 июля 1936 г., направленный против либерального коалиционного правительства, вызвал сопро-

тивление Народного фронта, началась гражданская война, сопровождавшаяся революцией, центром и мотором которой стала Барселона. В правительстве Каталонии объединились левые партии Народного фронта, среди них ПОУМ (Объединенная рабочая марксистская партия), поддерживавшая анархистов.

Для участия в гражданской войне в Испании Оруэллу требовалась рекомендация от «левых». Он взял ее в британской Независимой рабочей партии, связанной с ПОУМ, которая выступала за социалистическую революцию, отличавшуюся от «советской версии». Газета ПОУМ «Баталья» («Борьба») публиковала правду о московских процессах и называла Сталина «кровавым диктатором» [Недошивин, 2019, с. 303].

26 декабря 1936 г. Оруэлл приехал в Барселону – она поразила его: «Я впервые дышал воздухом равенства. И впервые находился в городе, власть в котором перешла в руки рабочих», «обычные проявления цивилизованной жизни – снобизм, культ денег, боязнь хозяина etc. – просто перестали существовать» [Ogwell, 1984, p. 2–3, 82–83]. Все обращались друг к другу «товарищ». Он наблюдал праздник свободы, революции.

Присоединение Оруэлла к ПОУМ было случайным, но позднее он был рад этой «случайности»: она позволила ему увидеть события изнутри и сказать о них правду. Из шести месяцев в Испании пять Оруэлл воевал на Арагонском фронте в бригаде ПОУМ. Он намеревался перейти в Интербригаду, чтобы воевать на Мадридском фронте, но в апреле 1937 г. приехал с фронта в Барселону, где его ждала жена Эйлин, и был поражен: город стал другим – исчезла «революционная атмосфера», все вернулось на круги своя. В конце месяца Оруэлл должен был вернуться на фронт, но задержался на неделю.

Он не знал, что по требованию Москвы были прерваны договоренности между главой ПОУМ Андресом Нином и руководителями испанской компартии Хосе Диасом и Долорес Ибаррури. Каталонское правительство, в котором возобладали коммунисты, создало внутренние войска – жандармерию, 3 мая она захватила телефонную станцию Барселоны, находившуюся под контролем ПОУМ. Барселонские профсоюзы и анархисты призвали к стачке, начались уличные бои, возникли баррикады. Оруэлл стал участником этих событий. Тогда он еще не знал, что в Испании орудовал

«наместник» НКВД Александр Орлов, в центре Интербригад – городке Альбасете – находились штаб НКВД и секретная тюрьма для оппозиционеров [Volodarsky, 2015], а в Мадриде и Барселоне независимо от законного правительства созданы тюрьмы НКВД и секретный крематорий, позволявший избавляться от жертв [Недошивин, 2019, с. 318, 332].

10 мая Оруэлл вновь направили на Арагонский фронт – под городок Уэска. 20 мая вражеский снайпер прострелил ему шею, Оруэлл подлечили и 20 июня, признанный «негодным к службе», он вернулся в Барселону, не зная о том, что 15 июня арестован Андрес Нин, а 16 июня объявили вне закона ПОУМ как профашистскую и «троцкистскую» «пятую колонну». Оруэлл пришел в отель «Континенталь» к Эйлин, увидел ее в холле, она быстро вывела его на улицу и объяснила, что ПОУМ запрещена, идут аресты и расстрелы. 22 июня в Барселоне появился трибунал по делам о шпионаже и измене родине, аресты стали повальными. В городе царил коммунистический террор. Стало ясно: надо уезжать. Эрик и Эйлин чудом успели 23 июня выехать во Францию, а 13 июля 1937 г. барселонский трибунал обвинил их в троцкизме и связях с ПОУМ – их участь в Испании была решена. В очерке «Выдавая испанские секреты» (1937) Оруэлл писал: «Когда я уехал из Барселоны в конце июня, тюрьмы были переполнены. <...> заключенные в них были не фашистами, а революционерами, они попали туда не из-за слишком правых, а из-за слишком левых взглядов. И ответственные за это коммунисты» [Orwell, 1984, vol. 1, p. 302].

Ныне появилось немало исследований и версий о советской политике в Испании [Рыбалкин, 2000; Beevor, 2006; Карп, 2017 и др.] Здесь рассматривается только версия Оруэлла, его «показания» как свидетеля событий. В эссе «Вспоминая войну в Испании» (1942, публ. 1943) он усомнился в том, что когда-нибудь удастся создать ее правдивую историю: какие свидетельства сохранит Франко для будущего? Да и республиканцы «часто прибегали ко лжи»: «...*Какую-то* историю напишут, а когда уйдут все воевавшие, эта история станет общепринятой. И значит, если смотреть на вещи реально, ложь с неизбежностью приобретает статус правды <...>. Вождь или правящая клика определяют не только будущее, но и *прошлое*. Если Вождь заявляет, что такого-то события “никогда не было”, значит, его не было. Если он думает, что

дважды два пять, значит, так и есть. Реальность этой перспективы страшит меня больше, чем бомбы» [Оруэлл, 1989, с. 255; пер. А. Зверева]. Тут явны «ростки» «главных книг» писателя.

В документальной книге «Памяти Каталонии» (1937) он рассказал об увиденном в Испании. Поначалу он склонялся к позиции Коминтерна: надо победить Франко и тогда заняться социальными реформами. Но вскоре ему стало ясно: революция уже шла полным ходом, восставший народ захватил фабрики, землю, транспорт, возникла эффективная демократическая социальная система. И, наблюдая ход событий, Оруэлл понял, что Сталин не заинтересован в успехе народной революции в Испании [Orwell, 1989, р. 90, 190]. Как это понять? Можно допустить, что будучи, в отличие от Троцкого, сторонником революции в одной отдельно взятой стране, Сталин выступал против «мировой революции» и потому требовал остановить социалистическую революцию в Испании (однако в 1945 г. «импорт» революции в страны Восточной Европы его не смутил). Испанская компартия подчинилась Сталину, поддержала буржуазно-демократическое правительство и демократические, а не социалистические перемены.

Невольно привлекает внимание и версия о «практических», «едва ли не меркантильных целях» Сталина [Недошивин, 2019, с. 300]. Председатель правительства Испании (сент. 1936 – май 1937) социалист Ларго Кабальеро попросил СССР принять на хранение три четверти золотого запаса Испании – 635 тонн золота на сумму 518 (по другим источникам 510) млн долларов, его «приняли» – в качестве оплаты за будущее вооружение [Недошивин, 2019, с. 301]. СССР поставил оружие в Испанию [Рыбалкин, 2000, с. 43–45] и прислал специалистов. Но Оруэлл в эссе «Вспоминая войну в Испании» писал: фашисты победили потому, что «были сильнее. У них было современное оружие, а у Республики – нет. <...> Побеждали те, кто был лучше вооружен. Нацисты вместе с итальянцами поставляли оружие своим друзьям-фашистам в Испании, а западные демократы и Россия отказывали в оружии тем, в ком следовало им видеть своих друзей. И поэтому Республика погибла. <...> Оборванные, плохо вооруженные армии Республики продержались два с половиной года – несомненно, гораздо дольше, чем ожидал противник» [Оруэлл, 1989, с. 259–260; пер. А. Зверева.]. Писатель заметил и то, что в прессе «приверженцы Франко» трубили о

«чуть ли не полумиллионе» советских войск в Испании, «на самом деле никакой русской армии в Испании не было. Были летчики и другие специалисты-техники, может быть, несколько сот человек, но не было армии. Это могут подтвердить тысячи сражавшихся в Испании иностранцев, не говоря уж о миллионах местных жителей» [Оруэлл, 1989, с. 254]. Писал Оруэлл и о «жалком фарсе левой политики», и о «зловещем ходе жизни в Советской России» [там же, с. 262]. В барселонском терроре он увидел «миникопию» террора в СССР. И вспомнил, как сказал Артуру Кёстлеру, своему другу с начала 1940-х: «История в 1936 году остановилась», и тот сразу понял, о чем речь: «Мы оба подразумевали тоталитаризм – в целом и особенно в тех частностях, которые характерны для гражданской войны в Испании» [там же, с. 253]. То есть для Оруэлла История «уперлась» в Испании в стену тоталитаризма и дальше ходу ей не было. События в Барселоне стали его «политическим университетом», а тоталитаризм – главным врагом.

Неприятие сталинизма было необычно в конце 1930-х годов, даже антисоциалисты находили тогда в СССР нечто привлекательное. В эссе «Заметки о национализме» (1945) Оруэлл заметил, что в Англии «почти ничего не знают о концлагерях в России. Колоссальные события вроде голода на Украине в 1933 году, унесшего миллионы жизней, ускользнули от внимания большинства английских русофилов» [Оруэлл, 2016, с. 215; пер. В. Голышева].

В. Голланц отказался издать повесть «Памяти Каталонии». Ее в апреле 1938 г. опубликовало (несмотря на помехи со стороны британской компартии) издательство «*Secker and Warburg*». Книга вызвала вал рецензий, но читатели ее не раскупали; возможно, потому, что История не давала времени опомниться: подоспели мюнхенский «сговор» 1938 г., оккупация Гитлером Чехословакии. И тем не менее Оруэлл, «вышив» свое жизнеописание на канве Истории, создал важный историко-политический документ и осознал свою цель – сделать «политическую прозу искусством». Он был уже на пути к этому, хотя цели еще не достиг.

Войдя в «поток большой Истории», он, возможно, впервые задумался о том, сколь зыбки понятия «история» и «правда». Информация в испанской прессе не имела отношения к фактам, «а в Лондоне, – писал он в эссе “Вспоминая войну в Испании”, – газеты подхватывали все эти вымыслы», «интеллектуалы выдумывали

глубокомысленные теории, основываясь на событиях», которых не было; он увидел, как историю пишут, «исходя не из того, что происходило, а из того, что должно было происходить согласно различным партийным “доктринам”. <...> речь, в частности, шла о борьбе между Коминтерном и испанскими левыми партиями, <...> о стремлениях русского правительства не допустить настоящей революции в Испании» [Оруэлл, 1989, с. 253–254; пер. А. Зверева].

После Испании Оруэлл написал роман «Глотнуть воздуха» (1939). В нем История уже «дышит» в «спину маленького человека». Протагонисту – страховому агенту Джорджу Боулингу, «сбежавшему» из Лондона в городок своего детства, кажется, что за ним «гонятся» – государство, агрессивная свора мировых политиков и опостылевшая жена. Роман пронизан ощущением надвигающейся войны, убежать и спрятаться невозможно, тем более, что идиллической «страны» детства больше нет. Но и в этом романе писатель еще «увязает» в деталях, и повествование вялое.

Вернувшись из Испании, Оруэлл много читал, круг его чтения характерен, скорее, для политического мыслителя, чем литератора, судя по рецензиям, опубликованным им периодике в конце 1930-х – начале 1940-х годов. Среди них – рецензия (1938) на книгу «Командировка в утопию» (1937) американского журналиста Юджина Лайонса, который с юности восхищался СССР, боготворил Сталина, но проработав шесть лет (1928–1934) в Москве в информационном агентстве *United Press International*, понял, что к чему, и написал книгу о мощи «тайной полиции» и терроре в СССР, о культе Сталина, голоде 1933 г. В рецензии на книгу русского эмигранта Николая Базили «Россия под советской властью» (Париж, 1937; англ. перевод 1938) Оруэлл заметил: стоит отказаться от основополагающих ценностей демократии, и «Сталин или кто-то вроде него – уже на подступе» [Orwell, 1984, vol. 1, p. 419]. Писатель из рабочей среды, социалист Джек Коммон, автор книги «Свобода улиц» (1938), подвел Оруэлла к пессимистичному выводу: «Кажется, будто происходит одно и то же: движение пролетариата быстро загоняют в определенное русло, хитрые, смекалистые люди наверху предают его, и возникает новый правящий класс» [ibid., p. 372]. Оруэлл отрецензировал книги «Коммунистический Интернационал» (1938) и «Тоталитарный враг» (1940) австрийского публициста Франца Боркенау, разработавшего теорию тоталита-

ризма, суть которого Оруэлл прежде понимал интуитивно. В книге британского философа Бертрانا Рассела «Власть: новый социальный анализ» (1938) ему близки размышления автора о склонности революционной власти «к вырождению в голую власть» [Orwell, 1984, vol. 1, p. 413–414]. В рецензии на книгу австро-британского экономиста и политического философа Фридриха фон Хайека «Дорога к рабству» (1944) Оруэлл согласен с автором: отказ от экономической свободы в пользу централизованного планирования и коллективизма ведет к утрате основных свобод человека, интересы государства становятся важнее; власть концентрируется у внутреннего круга бюрократии, а ее стремление удержать власть неукротимо. Непременные атрибуты такого государства – ложь и насилие. Это станет одной из основных идей романа «1984».

Историософские и политические воззрения Оруэлла формировались под воздействием американского философа Джеймса Бёрнхейма и в полемике с ним; в книге «Революция директоров» (1941) Бёрнхейм писал о новой управленческой элите (менеджерах, технократах), бросающей вызов классу капиталистов; там, где она придет к власти, общество почти наверняка будет тоталитарным. В книге «Макиавеллисты: защитники свободы» (1943) он утверждал, что цель любой политической борьбы – власть, а власть имущие или стремящиеся к ней всегда обращаются к массам под лживо-демократическими лозунгами. Общеизвестно, что книга Голдштейна в романе «1984» – парафраз книги Л. Троцкого «Преданная революция: что такое СССР и куда он идет?» (1936, англ. перевод 1937). По мнению Оруэлла, высказанному в рецензии на книгу Лайонса, Троцкий, как и Сталин, ответственен за эволюцию советского режима и едва ли как «диктатор» он был бы предпочтительнее [Orwell, 1984, vol. 1, p. 368–369].

В письмах и дневниках Оруэлл ссылается на писателя и журналиста Виктора Сержа, участника русской революции, разгадавшего, в «какую сторону повернутся события», на Бориса Суварина, одного из первых историков антисталинского движения. Конечно, Оруэлл знал роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (1932) и эпиграф к нему на французском из статьи Н. Бердяева «Демократия, социализм и теократия» (1924): «Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать их осуществления...

жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции... о том, как избежать утопий, как вернуться к неутопическому обществу, к менее “совершенному” и более свободному обществу». В 1944 г., когда «Скотный двор» был уже завершен, Оруэлл узнал из книги Глеба Струве «25 years of Soviet Russian literature (1918–1943)» об антиутопии Е. Замятина «Мы», но прочел ее лишь в 1946 г. во французском переводе (английского тогда не было) и тут же написал на нее рецензию [Оруэлл, 1989, с. 306–309]. Но, пожалуй, самое большое впечатление произвел на Оруэлла роман А. Кёстлера «Слепая тьма», опубликованный в Лондоне в 1940 г.

К повести «Скотный двор» и роману «1984» Оруэлла подвел как «книжный», так и реальный опыт. С августа 1941 г. до ноября 1943 г. писатель работал на Би-Би-Си (ведущим передач на Индию), что позволило ему понять механизм «идеологической обработки» людей. А в ноябре 1942 г. по радио прозвучало его «воображаемое интервью» с Джонатаном Свифтом, где он признался, что «“Путешествия Гулливера” значат для него больше, чем любая другая книга» [Orwell, 1942]. В эссе «Политика против литературы» (1946) он вновь отозвался о «Гулливере» как о книге, которой «не может начитаться досыта» [Оруэлл, 1989, с. 299]. Свифт стал его главным литературным «ориентиром». В повести «Памяти Каталонии» Оруэлл, описывая важнейший «перекресток» Истории XX века, все еще сохранял прежнюю манеру – добросовестно воспроизводил увиденное. Свифт вдохнул в его прозу новую жизнь, «научил» его искусству аллегории и аллюзии, иронии, сарказму, блистательному остроумию.

Повесть «Скотный двор», которую Оруэлл назвал сказкой, – сатирико-политическая аллегория, изображающая революцию в России и ее последствия. Французское издание книги писатель предлагал назвать *Union des Républiques Socialistes Animales* [Недошин, 2019, с. 503], в сокращении URSA, что по латыни означает «медведь» (символ России). Любой читатель, знающий историю СССР, угадает прототипов персонажей повести. Хряк Главарь, идейный вдохновитель революции, предложивший поднять на ферме «Усадьба» восстание против людей и вскоре умерший, напоминает Маркса и Ленина. Захват власти кабаном Наполеоном и свиньями с помощью выкормленных псов – аллегория прихода к

власти Сталина, чья власть держится на репрессиях. Наполеон подавляет инакомыслие и создает культ своей личности. Старый конь Боец, который работает за троих и затем отправлен на живодерню, – народ, прежде всего крестьянство. Скотизм (или анимализм) – придуманная свиньями теория, которой должны следовать животные Скотного двора, – ленинизм. Лидер восстания – хряк Сноуболл (Снежок), конфликтующий с Наполеоном и сбежавший невесть куда, – Троцкий. Постройка ветряной мельницы – аллегория пятилетних планов. Мистер Фредерик, хозяин соседней фермы, вступивший в короткий союз с Наполеоном, – Гитлер (пакт Молотова – Риббентропа). Подручный Наполеона – хряк Визгун, убеждающий животных, что жизнь на ферме становится лучше, – Молотов. Вениамин – старый грамотный осел, скептик, трезво оценивающий ситуацию, – интеллигенция. Щенки, выращенные Наполеоном в лютых псов, – аллюзия на ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–МГБ. Признания животных в несовершенных преступлениях – прямые аллюзии на сталинские процессы и террор 1930-х годов. Замена Наполеоном «песни скота» о революции гимном во славу себя – замена «Интернационала», гимна РСФСР и СССР в 1918–1943 гг., на гимн со словами С. Михалкова: «Нас вырастил Сталин – на верность народу...» и т.д. Заповеди Восстания на стене амбара переиначиваются в процессе перехода к диктатуре Наполеона; так, лозунг «Все животные равны» сменяется лозунгом «Все животные равны, но некоторые равнее других». По мнению биографа Оруэлла Дж. Мейерса, «расшифровавшего» исторические аллюзии в повести, «почти каждая деталь в этой аллегории имеет политический смысл» [Meyers, 1975, p. 142].

Оруэлл написал повесть «несвоевременно» – в ноябре 1943 – феврале 1944 г. репутация Сталина в Британии, союзнице СССР, была высока. Три американских издательства и семь британских – отказались публиковать его «сказку». Казалось, писатель шел «против течения Истории», но он не был склонен к этическим компромиссам, диктовавшимся политикой. «Сказка» вышла 17 августа 1945 г. в издательстве *Secker and Warburg*. Фредерик Варбург провидчески понял, что получил «дар дороже всех сокровищ, а мир – книгу, которую будут читать многие поколения» [Warburg, 1973, p. 48]. 8 июня 1949 г. он же издал роман «1984».

В 1947 г. в эссе «Будущее социализма» (*Partisan Review*, N.Y., July-August) Оруэлл уже предвидел: «мир окажется поделен между двумя-тремя огромными супердержавами, не способными покорить друг друга» и устроенными «иерархически: каста полубогов наверху, бесправные рабы внизу» – это станет таким «попранием свободы, какого еще не видело человечество» [цит. по: Оруэлл в семейном кругу, 2016, с. 76–77]. В романе «1984» Оруэлл еще более, чем в «Скотном дворе», шел по стопам «Путешествий Гулливера», где в государстве Требниа власть умела истреблять любое недовольство, а в Академии прожестеров в Лагадо было политическое отделение, разными способами насаждавшее «правильность мышления». В Океании Оруэлла эта «наука» ушла далеко вперед, но суть ее была все в той же стандартизации людей. Еще в интервью со Свифтом писатель дал понять: прогресс – явление относительное [Orwell, 1942]. В Океании правящей элитой (по Дж. Бёрнхему) стал «средний класс» – «бюрократы, ученые, технари, профсоюзные деятели, пиарщики <...> профессиональные политики» [Orwell, 1964, р. 164–165]. Жители Океании находятся под постоянным контролем, хотя любая подрывная деятельность давно исключена; цель власти – регламентация жизни человека. Величие Океании – это величие державы, а не благоденствие ее граждан, а главная из их обязанностей – преданность власти. Оруэлла интересовало, как система насилия может превратить человека в искреннего сторонника власти, которая его давит; в этом крылась для него «загадка тоталитаризма», а «разгадку, – как заметил российский литературовед А.М. Зверев, – он видел во всеобщей связанности страхом. Постепенно становясь сильнейшим из побуждений, страх ломает нравственный хребет человека и заставляет его глушить в себе все чувства, кроме самосохранения. Оно требует мимикрии день за днем и год за годом, пока уже не воздействием извне, но внутренним убеждением будет окончательно ликвидирована способность видеть вещи такими, каковы они есть на самом деле» [Зверев, 2013, с. 345–346].

Для этого в Океании и существуют полиция мысли, нравов, система пропаганды, «промывающая мозги». У Свифта в Академии, в школе языкознания разрабатывался проект упрощения речи, у Оруэлла создан «новояз», уничтоживший адекватные формы языкового выражения мысли. Историей в Океании занимается

особая секция Министерства правды, где работает центральный персонаж романа Уинстон Смит. Он должен корректировать память о прошлом в соответствии с потребностями власти. Оруэлл «обкатывал» в эссе многие положения романа «1984». Так, в эссе «Подавление литературы» (1945–1946) он писал: либеральный историк убежден, «прошлое невозможно изменить и точность исторического знания – нечто самоценное и само собой разумеющееся. С тоталитарной же точки зрения историю надлежит скорее творить, чем изучать. Тоталитарное государство – в сущности, теократия, и его правящей касте, чтобы сохранить свое положение, следует выглядеть непогрешимой. А поскольку в действительности не бывает людей непогрешимых, то нередко возникает необходимость перекраивать прошлое, чтобы доказать, что той или иной ошибки не было или что те или иные воображаемые победы имели место на самом деле. <...> Тоталитаризм на практике требует непрерывного переписывания прошлого и в конечном счете, вероятно, потребует отказа от веры в самую возможность существования объективной истины» [Оруэлл, 1989, с. 278; пер. В. Скороденко].

Описывая Океанию, писатель имел в виду не только сталинское государство в его потенциальном развитии, а любую систему, в которой власть и идеология (в том числе и идеология агрессивной технократии) абсолютны, иррациональны, непререкаемы, а человек ничтожен. Высокопоставленный член «внутреннего круга Партии» в Океании О'Брайен объясняет Уинстону Смит: «Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессий – репрессии. Цель пытки – пытка. Цель власти – власть» [Orwell, 1964, p. 211–212; Оруэлл, 1989, с. 178; пер. В. Голышева]. Это мир «двоемыслия», «новояза», «двухминутки ненависти», всеобщей слежки и исчезновения людей. В этом тоталитарном мире попытка остаться вне системы, быть собой, следовать чувствам – преступление. Поэтому Уинстон Смит и его любимая – Джулия – оказались в камере пыток.

Творчество Оруэлла принадлежит к особому политико-философскому направлению в литературе. На фоне своих литературных современников – Т.С. Элиота, О. Хаксли, И. Во – Оруэлл не выглядел изощренным мастером формы и отличался от общепринятых представлений о писателе. Особым был и его литера-

турный стиль. По наблюдению русского переводчика романа «1984» Виктора Голышева, он писал «точно и скупое»: «Интересное слово не подберешь – только точное подобрать можно... Оруэлл <...> как математика, такая же честная вещь» [Голышев, 2015].

В. Чаликова тонко заметила отличие Оруэлла от Замятина и Хаксли: они, будучи антиутопистами, писали о «роковой судьбе добра, которое – на проверку – всегда оборачивается злом»; роман «1984» – «дистопия», т.е. жанр, в котором нет прямого противостояния утопии; дистопия – «не враг утопии, не враг рая; точнее, она *не может решиться на обличение рая*, когда на земле – ад, не может иронизировать над добродетелью перед лицом торжествующего порока. Всё в мире, придуманном автором дистопии, химерично, абсурдно, преувеличенно. Со всего содрано мясо жизни и обнажен ее зловещий смысл, представляющийся писателю одновременно и бесспорным, и невозможным» [Чаликова, 1994, с. 51].

И консерваторы, и социалисты считали, что после публикации «Скотного двора» и романа «1984» Оруэлл отказался от социализма, но это было не так. Верный себе, он противопоставил сталинизму и всем формам тоталитаризма *демократический социализм*. Он рано понял, что мир устроен несправедливо. Его социализм изначально был стихийным, эмоциональным, этическим, он был не экономическим учением, а философией жизни, сконцентрированной в словах «справедливость», «свобода», «порядочность». В сущности, как ни парадоксально, Оруэлл до конца дней своих остался утопистом, но без веры в утопию, т.е. в идеал, искусство невозможно.

В поздней прозе Оруэлла сконцентрировался весь накопленный им писательский опыт прежних лет, количество перешло в качество. И важную роль «катализатора» в процессе «преображения» творчества Оруэлла сыграл Свифт; так, по «формуле» Т.С. Элиота, органично сочетались «традиция и творческая индивидуальность» – и Оруэлл создал свои шедевры. Нередко его упрекают в том, что он мало что объяснял, у него не было теории, но цель литературы – не создание социальных теорий. Литература – эстетический феномен, и Оруэлл, обладавший уникальным историко-политическим даром предвидения, выявил, вероятно, максимум социальных возможностей литературы. Он смело спорил с современниками и опередил свое время, его творчество на многие

десятилетия стало «барометром жизни общества». В условиях современной «цифровой цивилизации», когда возможности государств контролировать жизнь граждан – их персональные данные, контакты, передвижения, общение – значительно возросли, ход истории лишь усиливает актуальность его позднего творчества.

Список литературы

- Голышев В., Куеня Н. «Если переводить попу, нечего церемониться»: Виктор Голышев о прилизанных текстах, «Гарри Поттере» и новоязе // Теории и практики [электронный ресурс]. – 2015. – 25.02. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10266-golyshev> (дата обращения: 10.04.2021)
- Зверев А.М. «Когда пробьет последний час природы...». Антиутопия. XX век // Зверев А. Лекции. Статьи. – Москва : РГТУ, 2013. – С. 298–350.
- Карп М. Джордж Оруэлл. Биография. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2017. – 608 с.
- Недошивин В. Оруэлл. Неприступная душа. – Москва : АСТ, редакция Елены Шубиной, 2019. – 795 с.
- Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – Москва : Прогресс, 1989. – 378 с.
- Оруэлл Д. Скотный двор. Эссе. – Москва : АСТ, 2016. – 256 с.
- Оруэлл в семейном кругу и в среде анархистов : сб. статей. – Москва : Common place, 2016. – 136 с.
- Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская помощь республиканской Испании, (1936–1939). – Москва : АИРО-XX, 2000. – 152 с.
- Чаликова В.А. Утопия и свобода : эссе разных лет. – Москва : Весть, 1994. – 180 с.
- Beevor A. The Battle for Spain. – London : Weidenfeld & Nicolson, 2006. – 592 p.
- George Orwell : the critical heritage / ed. by Meyers J. – London : Routledge ; Abingdon : Kegan Paul, 1997. – 408 p.
- Meyers G. A reader's guide to George Orwell. – London : Thames & Hudson, 1975. – 192 p.
- Orwell G. Imaginary interview : G. Orwell and J. Swift (1942). – URL: <https://www.orwelltoday.com/readergulliver.shtml> (date of access: 09.04.2021)
- Orwell G. Animal farm. – Harmondsworth : Penguin, 1965. – 120 p.
- Orwell G. Nineteen eighty-four. – Harmondsworth : Penguin, 1964. – 251 p.
- Orwell G. The road to Wigan Pier. – Harmondsworth : Penguin, 1983. – 242 p.
- Orwell G. Homage to Catalonia. – Harmondsworth : Penguin, 1989. – 248 p.
- Orwell G. Collected essays, journalism and letters : in 4 vol. / ed. by Orwell S., Angus I. – Harmondsworth : Penguin, 1984. – Vol. 1: An age like this, 1920–1940. – 624 p.
- Orwell G. The complete works : in 20 vol. / ed. by Davison P. and Sh., Angus I. – London : Secker & Warburg, 1998. – Vol. 16: I have tried to tell the truth, 1943–1944. – 534 p.
- Volodarsky B. Stalin's agent. The life and death of Alexander Orlov. – Oxford : OUP, 2015. – 784 p.
- Warburg F. All authors are equal. 1936–1971. – London : Hutchinson, 1973. – 310 p.

References

- Golyshev, V., & Kienja, N. (2015, February 25). "Esli perevodish' popsu, nechego ceremonit'sja": Viktor Golyshev o prilizannyh tekstah, "Garri Pottere" i novojaze. *Teorii i praktiki*. Retrieved from: <https://theoryandpractice.ru/posts/10266-golyshev>
- Zverev, A.M. (2013). «Kogda probiot posledniy chas prirodi ...». *Antiutopiya. XX vek*. In A. Zverev, *Lektsii. Statii* (pp. 298–350). Moscow: RGGU.
- Karp, M. (2017). *George Orwell. Biographia*. Saint-Petersburg: Vita Nova.
- Nedoshivin, V. (2019). *Orwell. Nepristupnaya dusha*. Moscow: AST, redaktsiya Eleni Shubinoi.
- Orwell, G. (1989). «1984» i jesse raznyh let. Moscow: Progress.
- Orwell, G. (2016). *Skotnyj dvor. Jesse*. Moscow: AST.
- Orwell v semeinom krugu i v srede anarkhistov. (2016). Moscow: Common place.
- Ribalkin, Yu. (2000). *Operatsiia «X». Sovetskaya pomosh' respublikanskoy Ispanii (1936–1939)*. Moscow: AIRO–XX.
- Chalikova, V.A. (1994). *Utopia i svoboda: essays raznikh let*. Moscow: Vest'.
- Beevor, A. (2006). *The Battle for Spain*. London: Penguin Books.
- Meyers, J. (Ed.). (1997). *George Orwell: The Critical heritage*. London: Routledge a. Kegan Paul.
- Meyers, G. (1975). *A Reader's Guide to George Orwell*. London: Thames & Hudson.
- Orwell, G. (1942) *Imaginary Interview: G. Orwell and J. Swift*. Retrieved from <https://www.orwelltoday.com/readergulliver.shtml>
- Orwell, G. (1965). *Animal Farm*. Harmondsworth: Penguin.
- Orwell, G. (1964). *Nineteen Eighty-Four*. Harmondsworth: Penguin.
- Orwell, G. (1983). *The Road to Wigan Pier*. Harmondsworth: Penguin.
- Orwell, G. (1989). *Homage to Catalonia*. Harmondsworth: Penguin.
- Orwell, G. (1984). *Collected Essays, Journalism a. Letters: In 4 vols.* (Eds. Orwell, S., & Angus, I., Vol. 1). Harmondsworth: Penguin.
- Orwell, G. (1998). *The Complete Works*. (P. Davison, Sh. Davison & I. Angus, Eds.; Vol. 16). London: Secker & Warburg.
- Volodarsky, B. (2015). *Stalin's agent. The Life and death of Alexander Orlov*. Oxford: OUP.
- Warburg, F. (1973). *All authors are equal. 1936–1971*. London: Hutchinson.